

Каждую неделю он проходил множество проверок: сдавал кровь на анализ, отвечал на сложные вопросы. Его волка называли ментальным телом, и ему строго запрещали давать ему имя, постоянно напоминая, что это не домашнее животное. Гао Цюн потерял свое имя и получил титул того русского мужчины: «Семя». В Башне Тунтянь его называли «Семя №2», и на табличке у его комнаты было написано то же самое на двух языках: китайском и английском.

В фильме не упоминалось, что вскоре после того, как первый «Семя» вошел в Башню Тунтянь, его белый медведь начал меняться. Мощный зверь обзавелся хвостом ящерицы, его белая шерсть стала мутной, а на спине появилось несколько странных когтистых лап.

С момента приближения к метеориту до появления белого медведя и его мутации прошло всего около года.

Изменения медведя повлияли и на «Семя». Он стал агрессивным, жаждал крови и драк. В день, когда белый медведь исчез, люди обнаружили, что он тоже мертв.

Двое других сирот, которые приехали вместе с Гао Цюном, тоже не выдержали. Он видел, как их кролик и дикая кошка мутировали, а сами они становились все более странными.

Хотя их ментальные тела изменились, их не бросили. Мальчика, который не говорил по-китайски, назначили основным объектом экспериментов. Под воздействием постоянных стимулов и препаратов он сошел с ума, а его маленький белый кролик превратился в ужасное чудовище. Второй участник контрольной группы не получал никаких стимулов или препаратов, но через месяц после исчезновения кролика его дикая кошка умерла.

Гао Цюн смотрел, как люди в защитных костюмах уносили тело, и крепко обнимал своего волка, но дрожь не прекращалась.

С возрастом, по мере того как он учился управлять своим ментальным телом, волк становился все более ловким и быстрым. Он уже полностью понимал, что не сможет уйти: он был вторым «Семенем» в Башне Тунтянь.

Никто не интересовался, что находится внутри метеорита. Им просто нужно было, чтобы эти дети прошли через него, получили дозу радиации, а затем наблюдали за ее воздействием на их тела. Но обучать только одного «Семя» было слишком дорого.

В день, когда Гао Цюн встретил Лян Цзюньцзы, он как раз завершил тренировку на ледяных просторах.

Он увидел знакомую машину и десяток детей, выходящих из нее в толстых пуховиках.

В голове Гао Цюна что-то щелкнуло: все это были подопытные, такие же, как он когда-то.

Все они были сиротами, отобранными из пяти стран, сотрудничающих с исследовательской базой. Они были сильными и полными энергии. Покинув привычную среду, они пересекли тысячи километров на самолетах, затем садились на тяжелые ледоколы и, наконец, прибывали на базу 010, чтобы встретить свою ужасную смерть.

Гао Цюн еще не успел пошевелиться, как его волк бросился вперед.

Вместе с детьми из машины вышел молодой человек в форме базы 010. На нем были очки, и он выглядел привлекательно, но был очень холоден. Увидев огромного волка, который прыгнул на

него, оскалив острые клыки, он не двинулся с места, лишь произнес короткий звук.

В мгновение ока из тела молодого человека выпрыгнула антилопа с длинными острыми рогами и отбросила волка.

Дети закричали от страха, и остальные исследователи, находившиеся в машине, выбежали, чтобы успокоить их.

Гао Цюн был поражен. Его волк, перекатившись по снегу, превратился в клубящийся туман и вернулся в его тело. Взгляд молодого человека устремился на него, внимательно изучая.

С Гао Цюном находились десяток сильных охранников, которые тут же засмеялись:

— Не ожидали, что антилопа Ляна такая сильная.

В тот же вечер молодого человека привели к Гао Цюну и представили их друг другу. Его звали Лян Цзюньцзы, и он был третьим «Семенем», обладающим мощной тибетской антилопой.

Лян Цзюньцзы приехал с базы 012, чтобы выполнить план по воспроизводству с участием Гао Цюна.

После Гао Цюна еще десятки детей были отправлены внутрь метеорита. Все они либо погибли на месте, либо сошли с ума из-за мутаций ментальных тел. За последние двадцать лет только Гао Цюн оставался полностью здоровым и нормальным. После тщательного обсуждения база решила провести последний эксперимент и одновременно запустить программу передачи генов Гао Цюна.

Одного зрелого «Семя» было недостаточно. Им нужно было проверить способность Гао Цюна к воспроизводству и узнать, будут ли его потомки обладать такими же способностями.

Закончив объяснение, Лян Цзюньцзы заметил, что Гао Цюн выглядит равнодушным, и спросил:

— Есть еще вопросы?

— Почему ты можешь свободно передвигаться? — спросил Гао Цюн. — Почему тебя не используют для программы воспроизводства?

Лян Цзюньцзы закрыл глаза, и на его бесстрастном лице появилась легкая улыбка:

— У тебя приятный голос.

— ...Ответь на мой вопрос.

— Потому что у меня есть другие задачи, — спокойно сказал Лян Цзюньцзы. — Я слишком ценен, чтобы участвовать в программе воспроизводства.

Гао Цюн усмехнулся и выпустил своего волка. Волк встал на стол и зарычал на Лян Цзюньцзы. Тот не испугался, а вместо этого спросил:

— Я никогда не приближался к метеориту. Знаешь, как у меня появилось ментальное тело?

Гао Цюн закрыл глаза, не проявляя ни малейшего интереса к его словам.

Лян Цзюньцзы слегка понизил голос, сделав шаг вперед. В его глазах горел странный

энтузиазм:

— В детстве мне ввели твою сыворотку.

Гао Цюн был потрясен. Его волк тоже громко зарычал.

— База 010 занимается защитой и изучением метеорита, а база 012 — исследованием генов и крови. На североамериканском континенте их создали пять стран, — спокойно продолжил Лян Цзюньцзы, как будто рассказывал историю. — Я тоже был сиротой и с детства находился на базе 012, где мне вводили кровь, подвергшуюся радиации. В то время, кроме тебя, еще у двух человек появились ментальные тела. База 012 выбрала девять детей и ввела им кровь трех облученных. Кроме меня, все остальные умерли.

Лян Цзюньцзы раскрыл ладонь, и маленькая тибетская антилопа поднялась с нее, медленно шагая.

— Я стал таким благодаря тебе, — тихо сказал он. — Мы едины. Твоя сыворотка вошла в мое тело, моя кровь — это твоя кровь, мои кости — твои кости, я — это ты.

Он погладил волосы и лицо Гао Цюна, наклонившись, чтобы поцеловать его:

— Гао Цюн, ты не «Семя №2», ты — Гао Цюн...

Уже давно никто не называл его по имени, и Гао Цюн вздрогнул, резко вскочив и ударив Лян Цзюньцзы по лицу:

— Чушь!

Очки Лян Цзюньцзы упали на пол. Он прикрыл рот, тяжело дыша, и хрипло засмеялся:

— Не сомневайся, я давно знаю тебя... Я знаю тебя лучше, чем кто-либо в этом мире, Гао Цюн. Мы едины, ты не сможешь это отрицать.

Гао Цюн считал, что перед ним просто сумасшедший.

Но программа воспроизводства находилась под непосредственным контролем Лян Цзюньцзы, и он не мог сопротивляться. В этом месте сопротивление означало бесконечные мучения, и даже если бы он смог сбежать из Башни Тунтянь, он не смог бы убежать от бескрайних снежных просторов.

На Антарктическом континенте полгода длился полярный день, а полгода — полярная ночь, но внутри базы было трудно отличить день от ночи, если не смотреть в окно. Гао Цюн жил в маленькой комнате с одним окном, за которым виднелись бескрайние снега и небо. Из-за того, что он находился слишком высоко, у него редко была возможность видеть людей и животных на земле, поэтому каждую возможность покинуть Башню Тунтянь для тренировок он ценил.

После того как Лян Цзюньцзы начал выполнять программу воспроизводства, любимое занятие Гао Цюна было запрещено.

— Сексуальные и репродуктивные функции в полном порядке, — сказал Лян Цзюньцзы, глядя на экран прибора. — Так что ты можешь быть более активным. После выполнения задачи у тебя будет время для свободных действий.

Под «свободными действиями» подразумевалось лишь перемещение между двумя-тремя

этажами Башни Тунтянь, где ему разрешалось находиться. Гао Цюн закрыл глаза, лежа на кушетке, и отказался сотрудничать.

В соседней комнате несколько молодых женщин с ужасом смотрели на Гао Цюна и исследователей.

— У тебя есть еще возражения? — спросил Лян Цзюньцзы.

Гао Цюн не ответил.

<http://bllate.org/book/16847/1550504>